

*Посвящается Хоуп Деллон,
моему редактору и другу.
Вот это да!*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Машина еле ползла вперед и наконец остановилась на занесенной снегом проселочной дороге.

«Вот оно», — подумал Арман Гамаш и, тронувшись с места, проехал между двух высоких сосен и вырулил на полянку.

Там он притормозил и, сидя в теплом салоне, принялся разглядывать пейзаж. Стоял холодный день. Снежные пушинки падали на стекло и таяли. Теперь они летели чаще, немного мешая ему видеть то, на что он смотрел. Гамаш перевел взгляд на письмо, которое получил днем ранее: оно лежало на пассажирском сиденье.

Надев очки, Арман потер лицо и снова перечитал письмо. Оно представляло собой нечто вроде приглашения в это заброшенное место.

Гамаш выключил двигатель, но остался сидеть в машине.

Особой тревоги он не испытывал. Недоумение перевешивало беспокойство.

И все же происходящего хватало, чтобы включить тоненький тревожный сигнал. Нет, пока еще не сирену. Но старший суперинтендант уже был начеку.

Арман Гамаш не родился трусом, но по характеру все не был чужд осторожности. А иначе ему было бы не выжить в высших эшелонах *Sûreté du Québec*¹. Хотя

¹ Квебекская полиция (фр.). — Здесь и далее примеч. перев.

уверенности в том, что он выжил, Гамаш отнюдь не испытывал.

Он полагался на свой рациональный ум и инстинкты.

А что они говорили ему теперь?

Они совершенно точно сигнализировали: «Ты попал в странную ситуацию». Но потом он с усмешкой подумал, что те же слова могли ему сказать его внуки.

Арман достал сотовый, набрал номер, приложил телефон к уху: один гудок, второй, потом ответ.

— Salut, ma belle¹. Я приехал, — сказал он.

Между Арманом и его женой Рейн-Мари существовала договоренность: зимой, в снежный день, добравшись до места назначения, они непременно звонили друг другу.

— Как доехал? В Трех Соснах снег вроде бы усиливается.

— Здесь тоже. Добрался легко.

— И где ты? Что за место такое, Арман?

— Описать его довольно затруднительно.

И все же он попытался.

То, что видел Гамаш, когда-то служило жилищем. Потом стало домом. А теперь являло собой просто сооружение. Но и в таком качестве оно вряд ли сохранилось бы надолго.

— Это старый фермерский дом, — сказал он. — Но вид у него нежилой.

— Ты уверен, что приехал туда? Помнишь, ты как-то забирал меня из дома брата, но приехал не к тому брату? И утверждал, что я у него.

— Так то случилось сто лет назад, — усмехнулся он. — К тому же дома в Сент-Анжелик все одинаковы. Да и если уж по-честному, то и все твои сто пятьдесят семь братьев на одно лицо. К тому же он меня не любил, а я прак-

¹ Привет, красавица (*фр.*).

тически не сомневался: он хотел, чтобы я уехал и оставил тебя в покое.

— И ты можешь его винить? Ты приехал не в тот дом. Хорош детектив.

Арман рассмеялся. Их любовная история началась давным-давно. С тех пор члены ее семьи потеплели к нему: они увидели, как она любит его и (а для них это было важнее) как сильно он любит Рейн-Мари.

— Нет, я приехал туда, куда надо. Тут еще одна машина стоит.

Другой автомобиль был слегка присыпан снежком и простоял на своем месте, по прикидке Гамаша, около получаса. Не больше. Потом он перевел глаза на дом.

— В доме некоторое время уже никто не живет.

Чтобы прийти в такое состояние, нужно немалое время, отсутствие заботливого хозяина в течение многих лет.

Теперь дом представлял собой не более чем скопище материалов разного рода.

Ставни покосились, деревянные перила прогнили и покривились, встали под углом к наклонившейся лестнице. Одно из окон на втором этаже заколотили досками, и ему показалось, будто дом подмигивает ему, словно знает что-то такое, чего не знает Гамаш.

Он наклонил голову. Кажется, дом слегка скособочился? Или это его воображение преобразило дом в один из детских стишков его внука Оноре?

Жил на свете человек,
Скрюченные ножки,
И гулял он целый век
По скрюченной дорожке.
А за скрюченной рекой
В скрюченном домишке
Жили летом и зимой
Скрюченные мышки¹.

¹ Перевод Корнея Чуковского.

Перед ним был скрюченный дом. И Арман Гамаш подумал: уж не найдет ли он внутри скрюченного человека?

Попрощавшись с Рейн-Мари, он снова обвел взглядом другую машину во дворе, ее регистрационный номер с девизом Квебека на нем: *je me souviens*.

Я помню.

Когда он закрывал глаза (как сделал это и сейчас), на него наплывали незванные воспоминания. Живые и яркие, как и в то время, когда происходили события. И не только события того дня прошлым летом, когда косые лучи веселого солнечного света упали на его окровавленные ладони.

Он видел все дни. И все ночи. И всю кровь. Свою и других людей. Людей, чьи жизни он спас. И тех, чьи забрал.

Но чтобы не сойти с ума, сохранить человечность, самообладание, ему требовались и радостные воспоминания.

Встреча с Рейн-Мари. Рождение сына и дочери. А теперь и внуков.

Их переезд в Три Сосны, деревню, ставшую для них местом отдохновения.

Отец его доброго друга, пораженный старческой деменцией, умер недавно. Последний год жизни он не узнавал семью и друзей. Оставаясь добрым со всеми, при виде некоторых он сиял. Это были те, кого он любил. Большой знал их инстинктивно и держал в безопасном месте — не в своей ущербной голове, а в сердце.

Оно помнит гораздо надежнее, чем голова. Вопрос только в том, что же люди хранят в своем сердце.

Старший суперинтендант Гамаш знал немало людей, чьи сердца переполняла ненависть.

Он посмотрел на перекосившийся дом перед ним и подумал: какие воспоминания поглощают его?

Инстинктивно запомнив регистрационный номер машины, он оглядел двор.

Отметил большие сугробы, под которыми, как он догадался, ржавели машины. Разобранный грузовичок. Старый трактор, превратившийся в металлолом. И что-то похожее на танк, но, вероятно, являющееся емкостью для масла, а не боевой машиной.

Он надеялся.

Гамаш надел вязаную шапочку и уже собирался натянуть перчатки, но задумался и снова взял письмо. Короткое. Несколько немногословных предложений.

Ничуть не угрожающие, они звучали чуть ли не комично, и над ними можно было посмеяться, если бы их не написал мертвец.

Эти строки, нанесенные на бумагу нотариусом, просили, чуть ли не требовали, чтобы Гамаш приехал на эту отдаленную ферму в десять часов утра. Ровно. Пожалуйста. Не опаздывайте. Мерси.

Он отыскал этого нотариуса в *Chambre des Notaires du Québec*¹.

Мэтр Лоренс Мерсье.

Умер от рака шесть месяцев назад.

Гамаш держал перед глазами письмо от мертвого Мерсье.

Ни электронного, ни какого-либо другого адреса не прилагалось. Имелся, правда, телефонный номер, но на звонки Армана никто не ответил.

У него возникло искушение проверить мэтра по базе данных полиции, но он решил не делать этого. Нет, Гамаш вовсе не был нежелательным лицом в квебекском отделении. По крайней мере, не совсем уж нежелательным. Теперь, будучи временно отстраненным после событий прошлого лета, он чувствовал, что ему не следует просить услуг у коллег. Даже у Жана Ги Бовуара. Его заместителя. Его зятя.

¹ Нотариальная палата Квебека (*фр.*).

Гамаш снова посмотрел на когда-то прочный дом и улыбнулся. Он чувствовал родство с этим сооружением.

Вещи иногда неожиданно разлетаются на части. И независимо от того, ценили их или нет.

Он сложил письмо, сунул его в нагрудный карман. Когда Арман начал выходить из машины, зазвонил его сотовый.

Гамаш посмотрел на номер. Всякие признаки веселья исчезли с его лица.

Отважится ли он ответить?

Отважится ли не ответить?

Вызов не прекращался. Гамаш посмотрел на лобовое стекло. Снег теперь стал еще гуще, видимость ухудшилась еще сильнее, и теперь он видел мир неотчетливо.

Детектив подумал: а не станет ли в будущем ему вспоминаться этот момент каждый раз, когда он увидит старый фермерский дом, или услышит тихое падение снежинок, или вдохнет запах влажной шерсти, а если будет, то с чувством облегчения или ужаса?

— Oui, allô?

Человек стоял у окна, напрягал зрение.

Изморозь на стекле мешала видеть, но он все же сумел разглядеть ехавшую машину, потом смотрел с нетерпением, как она остановилась, а водитель остался сидеть на своем месте.

Минуту спустя или около того приехавший вышел, но к дому не пошел. Он стоял у машины, прижав сотовый к уху.

Это был первый из *les invités*¹.

Человек, конечно, узнал этого первого гостя. Да и кто бы не узнал? Он достаточно часто видел его, но только в выпусках новостей. Никогда лично.

¹ Приглашенные (*фр.*).

И он был более чем уверен: этот гость приедет.

Арман Гамаш. Бывший глава отдела по расследованию убийств. Нынешний старший суперинтендант Sûreté du Québec, временно отстраненный.

Он почувствовал легкое возбуждение. Гамаш был своего рода знаменитостью. Человеком в высшей степени уважаемым и в той же степени хулимым. Часть прессы считала его героем. Другая часть — негодяем. Человеком, воплощающим в себе все самое плохое, что есть в полиции. Или лучшее. Человеком, злоупотреблявшим властью. Или отважным руководителем, готовым пожертвовать репутацией, а может, и чем-то более серьезным ради большего блага.

Гамаш делал то, чего не осмеливался делать никто другой. Или был готов к этому.

За стеклом, покрытым изморозью, за снегом, наблюдатель видел человека лет шестидесяти. Высокого — ростом не менее шести футов. И плотного. В пуховой куртке тот казался тяжеловатым. Его лицо не было одутловатым, оно выглядело усталым. Наблюдатель увидел морщины у глаз, а потом, во время телефонного разговора, брови незнакомца сошлись у переносицы.

Он плохо разбирался в выражениях лиц. Видел морщины, но не мог их прочесть. Ему показалось, что Гамаш сердится, но, возможно, он просто размышлял. Или удивлялся. А еще человек подумал, что видит изъявление радости.

Но в этом он сомневался.

Теперь снег стал еще сильнее, но Гамаш не надевал перчатки. Когда он вышел из машины, они упали в снег. Так многие квебекцы теряли варежки, перчатки и даже шапки. В машине эти вещи лежали у них на коленях, забытые к тому времени, когда нужно было выходить. Весной земля открывалась, усеянная собачьими какашками,

червями и мокрыми варежками, перчатками и вязаными шапочками.

Арман Гамаш стоял под падающим снегом, подняв руку без перчатки к уху. Сжав телефон и слушая.

А когда наступила его очередь говорить, Гамаш наклонил голову, костяшки пальцев у него побелели, когда он крепче сжал телефон, а может быть — от мороза. Затем он сделал несколько шагов от машины, повернулся спиной к ветру и снегу, заговорил.

Человек в доме не слышал, что другой говорит в трубку, но потом одну фразу подхватил ветер, пронес ее по заснеженному двору, мимо когда-то ценных вещей и в дом. Когда-то тоже представлявший ценность.

— Вы пожалеете об этом.

Потом внимание человека привлекло какое-то движение во дворе. Туда въехала еще одна машина.

Второй из его *les invités*.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Арман?

Улыбка узнавания и появившееся было выражение облегчения застыли на ее лице, когда она увидела его взгляд.

Движение Гамаша, когда он повернулся к ней, было чуть ли не агрессивным. Его тело напряглось, он весь насторожился. Детектив словно готовился к возможному нападению.

Хотя она прекрасно умела читать лица и понимала язык тела, выражение на его лице оставалось ей непонятным. Если не считать наиболее очевидного.

Удивление.

Но за ним было и что-то еще. Гораздо большее.

А потом оно исчезло. Его тело расслабилось, и Арман на ее глазах произнес в трубку одно слово, потом дал отбой и сунул телефон в карман.

Последнее выражение, которое покинуло это знакомое лицо, прежде чем маска учтивости полностью скрыла его, удивило ее еще больше.

Выражение вины.

А потом появилась улыбка.

— Мирна, бога ради, что вы тут делаете?

Арман попытался придать естественность своей улыбке, хотя это оказалось делом нелегким. Лицо его онемело, чуть ли не обледенело.

Он не хотел казаться ухмыляющимся идиотом, не хотел переусердствовать в этом. Не стоило раскрываться перед этой очень пронизательной женщиной. Которая к тому же была его соседкой.

Отставной психотерапевт Мирна Ландерс владела книжным магазином в Трех Соснах и давно стала добрым другом Рейн-Мари и Армана.

Он подозревал, что она видела и поняла его первоначальную реакцию. Хотя он к тому же подозревал, что она не сумела осознать всю ее глубину. Или, уж конечно, догадаться, с кем он говорил.

Гамаш настолько погрузился в разговор, в подбор слов, во внимательное восприятие ответа. И тона. В модуляции собственного голоса. Что позволил кому-то незаметно подкрасться к нему.

Слава богу, этот человек оказался другом. Но вполне мог оказаться и врагом.

Будучи кадетом академии, агентом полиции, инспектором, главой отдела по расследованию убийств, а потом и главой всего отделения, он постоянно вынужден был оставаться начеку. Он тренировал себя до такой степени, что это стало его второй натурой. Или, точнее, первой.

Нет, он не шел по жизни, каждую минуту ожидая чего-то плохого. Просто бдительность стала ему присуща, как цвет глаз.

Стала частью ДНК, частью того, как развивалась его жизнь.

Арман знал: проблема не в том, что он сейчас расслабился. Напротив. Он настолько был начеку, настолько напряжен, что в критические минуты ничего другого не воспринимал. Он не услышал приближения машины. И тихого поскрипывания сапожек по снегу.

Гамаш, человек вовсе не пугливый, испытал озабоченность несколько иного рода. В данном случае последствия оказались «доброкачественными». А в другой раз?

Угроза не обязательно должна быть угрозой жизни. Будь она таковой, он бы ее не пропустил. Она всегда оставалась довольно пустячной.

Пропущенный или неправильно понятый сигнал. Мертвая зона. Миг отвлечения. Такая полная сосредоточенность, что все вокруг подернуто туманом. Ложное допущение, принятое за факт.

А потом...

— С вами все в порядке? — спросила Мирна, когда Арман подошел и поцеловал ее в обе щеки.

— Со мной все отлично.

Она чувствовала холод его кожи, влагу от снега, упавшего на лицо и растаявшего. И еще — напряжение, кипевшее под внешним спокойствием.

От улыбки в уголках его карих глаз появились морщинки. Но сами глаза не улыбались. Они оставались пронзительными, настороженными. Внимательными. Хотя тепло из них никуда не ушло.

— Отлично, — сказал он, и она, несмотря на снедающее ее беспокойство, улыбнулась.

Они оба понимали этот код. Отсылку к их соседке по деревне Три Сосны. Рут Зардо. Талантливой поэтессе. Одной из самых именитых в Канаде. Но ее талант обволокло облако безумия. Имя Рут Зардо произносилось в равной мере с восхищением и со страхом. Словно в опасении вызвать некое волшебное существо, креативное и деструктивное одновременно.

Последняя книга Рут называлась «У меня все ОТЛИЧНО». И все было бы ничего, пока вы не понимали (нередко когда уже было поздно), что ОТЛИЧНО — аббревиатура, которая расшифровывается как Отвратительно, Тошнотворно, Лейкозно, Истерично, Чахоточно, Нудно, Омерзительно.

Да, Рут Зардо была многосторонней. К счастью для них, одна из ее ипостасей сегодня здесь отсутствовала.

Арман наклонился и поднял варежки, которые упали в снег с мощных коленей Мирны. Прежде чем вернуть владелице, он отряхнул их о свою куртку. А потом, поняв, что и его перчатки отсутствуют, вернулся к машине и нашел их почти занесенными снегом.

Человек наблюдал за всем этим из-за своей сомнительной защиты в виде дома.

Он никогда не видел только что приехавшей женщины, но уже испытывал неприязнь к ней. Она была крупной, черной, и женское так и перло из нее. Ни одну из этих особенностей не находил он привлекательной. Но что еще хуже, Мирна Ландерс приехала с пятиминутным опозданием и, вместо того чтобы поспешить в дом, принести извинения, стояла там во дворе и болтала. Словно он их и не ждал. Словно он неясно выразился касательно времени приезда.

А он выразился точнее точного.

Впрочем, его раздражение слегка смягчалось мыслью о том, что все же она приехала.

Он внимательно наблюдал за ними двоими. Такая уж у него была игра — наблюдать. Пытаться определить, что люди могут сделать дальше.

Этот человек почти всегда ошибался.

Арман и Мирна достали письма из карманов.

Сравнили их. Дословно одинаковые.

— Все это, — она огляделась, — выглядит немного странным, вам не кажется?

Он кивнул и проследил направление ее взгляда. Старый, разваливающийся дом.

— Вы их знаете? — спросил он.

— Кого?

— Тех, кто здесь живет. Жил.

— Нет. А вы?

— Ноп. Понятия не имею, кто они или почему мы здесь.

— Я звонила по этому телефону, — сказала Мирна. — Но мне никто не ответил. Связаться с этим Лоренсом Мерсье невозможно. Он нотариус. Вы его знаете?

— Ноп. Но кое-что я знаю.

— И что?

Мирна предчувствовала: сейчас она услышит что-то неприятное.

— Он умер шесть месяцев назад. От рака.

— Тогда что...

Она понятия не имела, как продолжать, а потому замолчала. Посмотрела на дом, потом на Армана. Мирна была почти одного роста с ним, и, хотя в куртке она выглядела грузной, в ее случае это не было иллюзией.

— Вы знали, что отправитель письма умер полгода назад, и все же приехали, — сказала она.

— Любопытство. А вы?

— Ну, я-то не знала, что он умер.

— Но вы знали, что история какая-то мутная. Так почему приехали?

— По той же причине. Из любопытства. А что такого уж плохого могло случиться?

Мирна понимала, что ее сентенция звучит довольно глупо.

— Если услышим органную музыку¹, то бросимся наутек, верно, Арман?

Он рассмеялся. Ему, конечно, было известно, что может случиться. Сколько раз опускался на колени подле распростертых на земле жертв в таких случаях. Его соседка, запрокинув назад голову, принялась разглядывать

¹ Имеется в виду кинематографический прием, называемый «диссонирующий саундтрек», часто применяемый в фильмах ужасов: использование музыки (например, органной), ничуть не отвечающей жутким событиям на экране.

крышу, просевшую под слоем снега, образовавшегося за несколько месяцев. Увидела потрескавшиеся стекла, окна, зияющие пустотой. Она моргала, чувствуя снежинки — большие, мягкие и неотступные: они падали на ее лицо, попадали в глаза.

— Но ведь это не опасно, правда?

— Не уверен.

— Не уверены? — Ее глаза распахнулись чуть шире. — Значит, все же опасность есть?

— Я думаю, единственная опасность исходит от самого здания, — он кивнул в сторону прогнувшейся крыши, наклонившихся стен, — а не от того, кто в нем находится.

Они подошли к дому, он поставил ногу на первую ступеньку крыльца, и та сломалась. Гамаш посмотрел на Мирну, вскинув брови, и она улыбнулась.

— Я думаю, это в большей степени объем съеденных круассанов, чем объем сгнившего дерева, — сказала она, и он рассмеялся.

— Согласен.

Арман помедлил секунду, глядя на ступеньки, потом на дом.

— Вы не уверены, опасно там или нет, верно? — спросила она. — Опасен ли сам дом или тот, кто внутри.

— Да, — признал он. — Я не уверен. Вы не хотите подождать здесь?

«Да», — подумала она.

— Нет, — сказала Мирна и пошла следом за ним.

— Мэтр Мерсье, — представился человек, выходя к ним навстречу и протягивая руку.

— Bonjour, — сказал Гамаш, вошедший первым. — Арман Гамаш.

Он оценил обстановку, начав с человека.

Невысокий, стройный, белый. Лет сорока пяти.

Живой.

Дом был отключен от электричества, а потому и от отопления: воздух в доме был холодный и застоявшийся. Как в большой морозильной камере.

Нотариус не снял куртки, и Арман видел: она заляпана грязью. Хотя и куртка Гамаша выглядела не лучше. Выйти из машины или влезть в нее зимой в Квебеке было практически невозможно, не заляпав одежду грязью и солью.

Но куртка мэтра Мерсье казалась не просто грязной, а сплошь покрытой пятнами. И поношенной.

Он и сам имел вид несколько небрежный. Человек, как и его одежда, казался потрепанным. Но в нем чувствовалось и достоинство на грани высокомерия.

— Мирна Ландерс, — сказала Мирна, делая шаг вперед и протягивая руку.

Мэтр Мерсье взял ее, но быстро отпустил. Скорее прикосновение, чем рукопожатие.

Гамаш отметил, что поведение его соседки слегка изменилось. Страх ушел, она глядела на хозяина чуть ли не с жалостью.

Есть в мире существа, вызывающие такую реакцию. У них нет ни брони, ни ядовитых зубов, ни способности летать или даже бегать, но есть что-то такое, что делает их не менее могущественными.

Они выглядели такими беспомощными, такими нелепыми, что не могли представлять собой угрозу. Некоторые даже брали их под свое крыло. Защищали. Воспитывали. Признавали.

И почти всегда жалели потом о своих поступках.

Пока еще было слишком рано говорить, что мэтр Мерсье представляет собой что-то подобное, но первое впечатление он производил именно такое, даже на столь опытного и прозорливого человека, как Мирна Ландерс.

Гамаш почувствовал это даже на себе. Его защитные механизмы в присутствии этого печального маленького человека расслабились.

Хотя и не отключились полностью.

Арман снял шапочку, разгладил свои седеющие волосы, огляделся.

Наружная дверь открывалась прямо в кухню; такое нередко встречалось в фермерских домах. Казалось, тут ничего не менялось с шестидесятых. А может, и с пятидесятых. Шкафы были изготовлены из фанеры, выкрашенной в веселенький синий цвет, в цвет васильков, столы из расцарапанного желтого ламината и полы, покрытые затертым линолеумом.

Все, что имело какую-то ценность, было унесено. Весь инвентарь отсутствовал, стены остались голыми, если не считать давно остановившихся мятно-зеленых часов над раковиной.

Он на мгновение представил себе кухню такой, какой она, вероятно, была прежде. Сверкающая, не новая, но чистая, ухоженная. Двигаются люди, они готовятся ко Дню благодарения или к рождественскому обеду. Дети, гонящиеся друг за другом, как дикие жеребцы, а родители пытаются их приручить. А потом сдаются.

Гамаш отметил прорези на дверном косяке. Отметки роста. А потом время остановилось.

«Да, — подумал он, — эта комната, этот дом когда-то были наполнены счастьем. Весельем».

Он снова посмотрел на мэтра. Нотариус, который существовал, хотя и умер. Может быть, этот дом был его домом? Был ли он когда-то счастливым, веселым? Если так, то никаких признаков этого Гамаш не видел. Все с него было содрано.

Мэтр Мерсье сделал пригласительный жест в сторону кухонного стола. Они сели.

— Прежде чем мы начнем, я бы хотел, чтобы вы подписали это.

Мерсье пододвинул по столу лист бумаги Гамашу.

Арман откинулся на спинку стула, подальше от документа.

— Прежде чем мы начнем, — сказал он, — я бы хотел знать, кто вы и почему мы здесь.

— И я тоже, — произнесла Мирна.

— В должное время, — ответил Мерсье.

Странно было услышать такие слова — и потому, что такой оборот вышел из употребления, и потому, что он полностью отвергал их требование. Причем весьма обоснованное и исходящее от людей, которые вовсе не были обязаны приезжать сюда.

Мерсье выглядел и говорил как диккенсовский персонаж. Причем отнюдь не героический. «Интересно, — подумал Гамаш, — чувствует ли Мирна то же самое».

Нотариус положил авторучку на лист бумаги и кивнул Гамашу, который и не собирался прикасаться к ней.

— Послушайте... — сказала Мирна, положив большую руку на руку Мерсье: она почувствовала, как дернулась его рука под ее ладонью. — Дорогой... — Ее голос звучал спокойно, тепло, ясно. — Либо вы отвечаете на вопрос, либо я ухожу. А я предполагаю, вы этого не хотите.

Гамаш оттолкнул лист назад к нотариусу.

Мирна похлопала Мерсье по руке, и тот уставился на нее.

— А теперь скажите, как вы воскресли из мертвых?

Мерсье посмотрел на нее так, словно сумасшедшей была она, потом отвел глаза, и Гамаш и Мирна, проследив направление его взгляда, увидели, что он смотрит в окно.

Подъехала еще одна машина. Маленький грузовичок. Из двери выпрыгнул молодой человек, уронил рукавицы в снег. Но быстро наклонился и поднял их.

Арман перехватил взгляд Мирны.

На новоприбывшем была высокая шапка в красно-белую полоску. Ее конус заканчивался хвостообразным помпоном, который доходил до самой земли и потащился за ним по снегу, когда он двинулся от машины.

Заметив это, молодой человек поднял «хвост», один раз обернул им шею, словно шарфом, а потом набросил на плечо таким щеголеватым движением, что Мирна не смогла сдержать улыбки.

Кто бы он ни был, он излучал энергию в той же мере, в какой от мертвого Мерсье исходило бессилие.

Доктор Сьюз¹ встречается с Чарльзом Диккенсом.

Кот в шляпе собирается войти в Холодный дом².

Раздался стук в дверь, потом он вошел. Огляделся. Его взгляд задержался на Гамаше, который встал со стула.

— Allô, bonjour, — сказал веселый молодой человек. — Месье Мерсье?

Он протянул руку, и детектив пожал ее.

— Non. Арман Гамаш.

Рука у пришедшего была мозолистая, сильная. Рукопожатие твердое, дружеское. Уверенное, без принуждения.

— Бенедикт Пулио. Salut. Надеюсь, я не опоздал. Трафик на мосту просто ужас.

— Это мэтр Мерсье, — сказал Арман, отходя в сторону, чтобы новоприбывший увидел нотариуса.

— Здравствуйте, сэр, — сказал молодой человек, пожимая руку Мерсье.

— А я — Мирна Ландерс, — представилась Мирна, пожимая руку молодому человеку и улыбаясь слишком уж, на взгляд Армана, широко.

Хотя, глядя на миловидного молодого человека, всякий улыбнулся бы. Не потому, что он вызывал смех. Просто он казался любезным и вел себя без всякого кривлянья. Пулио смотрел на них задумчивыми яркими глазами.

Бенедикт снял шапку, прошелся пятерней по светлым волосам, подстриженным на манер, какой Мирна никогда

¹ Доктор Сьюз — американский писатель, более всего известный как автор детских книжек, в том числе «Кот в шляпе».

² «Холодный дом» — роман Чарльза Диккенса.

прежде не видела и надеялась, что больше не увидит. Спереди волосы у него были выстрижены чуть не под машинку, а к ушам становились длинными. Очень длинными.

— Итак, — сказал он, потирая руки в предвкушении и, возможно, из-за холода. — С чего мы начнем?

Они все посмотрели на Мерсье, который не отрывал взгляда от Бенедикта.

— Что — прическа? — спросил молодой человек. — Это сделала моя подружка. Она учится на стилиста, и выпускной экзамен у нее — создание уникальной стрижки. Что вы скажете?

Он провел рукой по волосам, остальные тем временем помалкивали.

— Вид великолепный, — сказала Мирна наконец, лишний раз подтверждая для Армана истину, согласно которой любовь или оболечение воистину слепы.

— Она вам и шапку сделала? — спросил Арман, показывая на удивительный головной убор, лежавший в конце стола.

— Да. Выпускные отметки в ее дизайнерском классе. Вам нравится?

Арман издал нечто, как он хотел думать, похожее на уклончивое мычание.

— Вы прислали письмо, верно, сэр? — спросил у Мерсье Бенедикт. — Что теперь? Вы хотите устроить мне экскурсию или мы посмотрим планы? Это ваш дом? — спросил он у Армана и Мирны. — Если откровенно, то я не уверен, что его можно спасти. Он в крайне бедственном состоянии.

Гамаш и Мирна переглянулись, поняв, что говорит Бенедикт.

— Мы не вместе, — со смехом сказала Мирна. — Мэтр Мерсье пригласил нас так же, как и вас.

Она, как и Арман, вытащила письмо и положила его на стол.